OSHO

ВЛЮБЛЕННЫЙ В **ЖИЗНЬ**

•

Размышления о «Заратустре»
Фридриха Ницше

•

София

Бхагаван Раджниш (Ошо)

Влюбленный в жизнь. Размышления о «Заратустре» Фридриха Ницше

«София Медиа»

1987, 2013

УДК 141.339(520)
ББК 87.3

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

Влюбленный в жизнь. Размышления о «Заратустре» Фридриха Ницше / Б. Ш. Раджниш (Ошо) — «София Медиа», 1987, 2013

ISBN 978-5-906749-90-1

Персидский пророк Заратустра (Зороастр) основал одну из главных религий Древнего Востока. Немецкий мыслитель Фридрих Ницше выбрал Заратустру в качестве рупора созданной им новой «философии жизни». В этой книге Ошо увлекательно комментирует мир Ницше и Заратустры, в котором человек радуется жизни, а не отрекается от нее и абсолютно свободен в выборе своего пути. Встреча трех великих мистиков разных времен обещает читателю захватывающее путешествие к вершинам духа.

УДК 141.339(520)
ББК 87.3

ISBN 978-5-906749-90-1

© Раджниш (Ошо) Б. Ш., 1987, 2013
© София Медиа, 1987, 2013

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 8
Глава 2 18
Глава 3 28
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо) Влюбленный в жизнь. Размышления о «Заратустре» Фридриха Ницше

Copyright © 1987, 2013 OSHO International Foundation, Switzerland. www.osho.com/copyrights

© ООО Книжное издательство «София», 2015

Предисловие

Быть неправильно понятым – судьба гения. Если гений не был неправильно понят – значит, он и вовсе не гений. Если простой народ тебя понимает – значит, твоя речь соответствует уровню обычного интеллекта.

Фридриха Ницше понимали неправильно, и это привело к ужасной катастрофе. Но, возможно, это было неизбежным. Чтобы понять такого человека, как Ницше, необходимо иметь как минимум такой же стандарт сознания, если не более высокий.

Адольф Гитлер был настолько умственно отсталым, что невозможно и подумать, чтобы он мог понять смысл Ницше; однако он стал пророком философии последнего. Он интерпретировал ее согласно своему слабому уму – не только интерпретировал, но и действовал в соответствии с этой интерпретацией, – и результатом стала Вторая мировая война. Когда Ницше говорит о «воле к власти», это не имеет ничего общего с волей к доминированию. Однако такое значение этому придали нацисты.

«Воля к власти» диаметрально противоположна воле к доминированию. Воля к доминированию возникает из-за комплекса неполноценности. Человек хочет доминировать над другими только для того, чтобы доказать себе, что он не неполноценный – что он выше других. Но ему нужно это доказывать. Без доказательств он знает, что он неполноценный; ему нужно скрыть это за огромным множеством доказательств.

По-настоящему возвышенный человек не нуждается в доказательствах; он просто возвышенный. Нужно ли розе спорить о ее красоте? Должна ли полная луна беспокоиться о своем великолепии? Возвышенный человек просто знает это, ему не нужно никаких доказательств; поэтому у него и нет воли к доминированию. У него, безусловно, есть «воля к власти», но тут необходимо чувствовать тонкое различие. Его воля к власти означает, что он желает раскрыться полностью. Это не имеет никакого отношения к другим, но касается лишь его собственной индивидуальности. Он хочет расцвести, раскрыть все цветы, сокрытые в его потенциале, подняться как можно выше в небо. Здесь даже нет никакого сравнения, он не пытается подняться выше других – только максимально раскрыть собственный потенциал. «Воля к власти» совершенно индивидуальна. Она желает танцевать в высочайшей части неба, беседовать со звездами, но ей не нужно доказывать чью-либо неполноценность. Ей не свойственно соперничество или сравнение.

Адольф Гитлер и его последователи, нацисты, причинили миру очень много вреда, помешав ему понять истинный смысл идей Ницше. И не только их: они точно так же не поняли и множество других идей.

Такая печальная судьба не постигала ни одного великого мистика или поэта до Ницше. Распятие Иисуса или отравление Сократа было не такой уж плохой судьбой в сравнении с тем, что ожидало Фридриха Ницше, – быть непонятым настолько, что Адольф Гитлер умудрился уничтожить более восьми миллионов людей во имя Ницше и его философии. Должно пройти некоторое время… Когда Адольф Гитлер, нацисты и Вторая мировая война будут забыты, Ницше снова восстанет в своем истинном свете. Он вернется.

Но Фридрих Ницше нуждается в новой интерпретации, которая бы позволила отбросить весь тот вздор, которым нацисты покрыли его прекрасную философию.

Понимание зависит от уровня сознания человека. То, что Ницше попал в руки нацистов, было простым совпадением. Им нужна была философия войны, а Ницше ценит красоту воина. Им нужна была идея, ради которой можно было бы сражаться, и Ницше дал им хороший предлог – сверхчеловека. Разумеется, они сразу же ухватились за идею о сверхчеловеке. Нордические германские арийцы должны были стать новой ницшеанской человеческой расой, сверхлюдьми. Они хотели доминировать над миром, и Ницше им в этом очень помогал, ведь он

утверждал, что глубочайшее стремление человека – это «воля к власти». Они же заменили ее волей к доминированию.

Теперь у них была целостная философия: нордические германские арийцы – высшая раса, потому что они должны произвести на свет сверхчеловека. У них есть воля к власти, и они будут доминировать над всем миром. Такова их судьба – доминировать над низшими людьми. Очевидно, арифметика проста: высшие должны доминировать над низшими.

Такие красивые концепции… Ницше и представить бы не мог, что они станут настолько опасными, станут таким кошмаром для всего человечества. Но неправильного понимания невозможно избежать; с этим ничего не поделаешь. Когда ты что-то сказал – все в руках того, кто тебя услышал.

Тем не менее Ницше настолько важен, что его идеи нуждаются в очистке от всего того мусора, которым их покрыли нацисты.

* * *

Даже если бы Ницше не написал ничего, кроме «Заратустры», он бы оказал человечеству огромнейшую, глубочайшую услугу, какую только можно ожидать от человека, ведь Заратустра был практически забыт. Именно Ницше вернул его, дал ему новое рождение, воскресил его. «Так говорил Заратустра» – это Библия будущего.

Ошо, «Книги, которые я любил»

Глава 1
Встреча Будды и Зорбы возможна

Пролог. Часть I

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошел в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим уединением и в течение десяти лет не утомлялся счастьем своим. Но наконец изменилось сердце его, – и в одно утро поднялся он с зарею, стал перед солнцем и так говорил к нему:

«Великое светило! К чему свелось бы твое счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь!

В течение десяти лет подымалось ты над моей пещерой: ты пресытилось бы своим светом и этой дорогою, если б не было меня, моего орла и моей змеи.

Но мы каждое утро поджидали тебя, принимали от тебя преизбыток твой и благословляли тебя.

Взгляни! Я пресытился своей мудростью, как пчела, собравшая слишком много меду; мне нужны руки, простертые ко мне.

Я хотел бы одарять и наделять до тех пор, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему, а бедные – богатству своему.

Для этого я должен спуститься вниз: как делаешь ты каждый вечер, окунаясь в море и неся свет свой на другую сторону мира, ты, богатейшее светило!

Я должен, подобно тебе, закатиться, как называют это люди, к которым хочу я спуститься.

Так благослови же меня, ты, спокойное око, без зависти взирающее даже на чрезмерно большое счастье!

Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы золотистая влага текла из нее и несла всюду отблеск твоей отрады!

Взгляни, эта чаша хочет опять стать пустою, и Заратустра хочет опять стать человеком».

– Так начался закат Заратустры[1].

Фридрих Ницше – пожалуй, величайший философ, которого когда-либо знал мир. Он велик и в другой сфере, которую многие философы просто не осознают: он прирожденный мистик.

Его философия принадлежит не только уму; ее корни – в глубинах сердца, а некоторые достигают даже самого его бытия. Ему не повезло только в том, что он родился на Западе; поэтому ему и не довелось найти какую-либо школу мистерий. Он предавался глубокому созерцанию, совершенно ничего не зная о медитации. Иногда его мысли такие же глубокие, как у медитирующего, порой их полет – как у Гаутамы Будды; но, очевидно, подобное с ним случалось спонтанно.

---

[1] Цитаты из Ницше приводятся по хорошо знакомому русскоязычному читателю переводу Ю. М. Антоновского, с небольшими изменениями в тех случаях, где это необходимо для приведения в соответствие с интерпретацией Ошо. – *Здесь и далее прим. перев., если не указано иначе.*

Он ничего не знал о путях просветления, о стезе, ведущей к собственному бытию. Из-за этого в его бытии возникало сильное смятение. Его мечты достигают звезд, однако его жизнь остается самой обычной. У нее нет той ауры, которую создает медитация. Его мысли не являются его кровью, его костями, его костным мозгом. Они красивы, очень красивы, но чего-то не хватает. Не хватает самой жизни. Это мертвые слова, они не дышат, их сердце не бьется.

Но у меня есть особая причина, чтобы говорить о нем: в отличие от других философов Востока и Запада, он хотя бы задумывался о высотах человеческого сознания. Пусть даже он не испытал их; он действительно не испытал их. Он также задумывался о повторном становлении человеком: эта идея – о нисхождении с высот на базарную площадь, со звезд на землю – не приходила никому другому.

У него есть что-то от Гаутамы Будды, возможно несознательно перенесенное из прошлых жизней, и также что-то от Зорбы; но и то и другое в недостатке. Однако он – единственное доказательство того, что встреча Будды и Зорбы возможна; что тем, кто достиг высочайших вершин, не обязательно там оставаться.

На самом деле они и вовсе не должны там оставаться. У них есть долг перед человечеством; у них есть долг перед землей. Они родились среди людей, они жили в той же тьме и в тех же невзгодах. И теперь, когда они увидели свет, они обязаны вернуться, чтобы разбудить тех, кто крепко спит, чтобы принести благую весть – о том, что есть не только тьма, что бессознательность – наш собственный выбор.

Если мы решим быть осознанными, то всякая бессознательность и всякая тьма могут исчезнуть. Мы сами выбираем жизнь в темных низинах. Если мы решим жить на солнечных вершинах, то никто не сможет нам помешать, ведь это заложено в нашем потенциале.

Но люди, достигшие солнечных вершин, совершенно забывают о мире, откуда они пришли. Гаутама Будда не вернулся вниз. Не вернулся и Махавира. Даже если они пытались разбудить человечество, они кричали со своих солнечных вершин.

Человек настолько глух и слеп, что не может понять речь тех, кто пребывает в высших состояниях сознания. Он слышит шум, не имеющий для него никакого смысла.

Ницше в этом смысле уникален. Он мог оставаться выдающимся, сверхчеловеческим философом, но он никогда не забывает о простом человеке. Это и делает его великим. Пусть он и не прикоснулся к наивысшим вершинам и не познал величайших мистерий, он стремится поделиться своими знаниями с другими людьми. Желание делиться у него было очень сильным.

Я решил поговорить о нескольких фрагментах, которые могут помочь вам в вашем духовном росте. Сам Ницше своим оратором избрал Заратустру. Кое-что о Заратустре тоже требует разъяснения. Из тысяч великих мистиков, философов, просветленных людей Ницше избрал своим оратором малоизвестную, почти забытую миром личность – Заратустру.

Последователи Заратустры сосредоточены в небольшом месте – в Мумбаи. Они пришли в Мумбаи из Ирана, когда магометане заставляли персов принимать ислам или готовиться к смерти. Тысячи были убиты. Миллионы обратились в ислам из страха, но некоторые смелые души бежали из Ирана и нашли пристанище в Индии.

Это мумбайские парсы – пожалуй, самая малочисленная религия мира. Поэтому удивительно, что Ницше настолько заинтересовался Заратустрой, что написал книгу – «*Так говорил Заратустра*». Из этой книги и взяты приводимые здесь фрагменты.

Он избрал Заратустру по той же причине, что я избрал его: Заратустра – единственный жизнеутверждающий основатель религии; он не против жизни, его религия – религия торжества, благодарности существованию. Он не отрицает радости жизни и не защищает отказ от мира. Наоборот, он полностью поддерживает наслаждение миром, потому что все, кроме этой жизни и этого мира, – лишь гипотезы. Бог, рай и ад – лишь проекции человеческого ума, а не аутентичные переживания; это – не реальность.

Заратустра родился двадцать пять веков назад, во времена, когда по всему миру происходило великое возрождение. В Индии таких же вершин пробуждения достигли Гаутама Будда, Махавира, Гошалак[2], Санджай Вилетхипутта[3], Аджит Кешкамбал[4] и другие. В Китае – Конфуций, Мэн-цзы, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и многие другие. В Греции – Сократ, Пифагор, Гераклит. И в Иране – Заратустра.

Внезапный прилив сознания по всему миру и пробуждение множества людей – это странное совпадение. Возможно, просветление – это также цепная реакция: просветленные люди провоцируют аналогичный переворот в других.

Это заложено в потенциале каждого. Необходимо лишь побуждение, вызов. Когда ты видишь столько людей, достигающих таких прекрасных вершин благодати, ты не можешь оставаться на месте. Вдруг у тебя возникает сильный порыв: «Нужно что-то делать. Я трачу время впустую, тогда как другие достигли своего предназначения, познали все, что стоит знать, испытали величайшее блаженство и экстаз. А что делаю я? – собираю ракушки на пляже».

Среди всех этих людей Заратустра уникален. Он единственный, кто не против жизни, кто за жизнь; чей бог не находится неизвестно где, чей бог – не что иное, как другое название самой жизни. Жить во всей полноте, жить радостно и интенсивно – вот все, на чем основана его религия.

Я чувствую глубокое сопереживание, родство с Заратустрой. Но, наверное, из-за того, что он утверждал жизнь, а не отрицал ее, ему не удалось собрать много последователей. Это одно из странных качеств человека: ничто простое он не может посчитать достойным названия его цели – цель должна быть очень сложной и труднодоступной.

За этим стоит психология эго. Эго всегда хочет чего-то невозможного, потому что только с невозможным оно может существовать. Вы никогда не сможете исполнить желание, и эго будет толкать вас ко все большему и большему: большей алчности, большей власти, большему богатству, большему самоограничению, большей духовности, большей дисциплине. Где бы вы ни встретили понятие «*больше*» – помните, это язык эго. Эго нельзя удовлетворить, оно всегда требует большего.

Весь подход Заратустры тот же, что и у Чжуан-цзы: «Простое – правильное. Правильное – простое». И когда вы полностью расслаблены и чувствуете себя свободно и непринужденно, настолько расслаблены, что даже забываете о непринужденности, о правильности, вы становитесь совершенно невинными, как ребенок, – это и есть цель. Но эго в этом не заинтересовано. Для эго весь этот процесс – нечто вроде самоубийства. Поэтому религии, которые ставили перед эго сложные задачи, трудные пути, неестественные идеалы, невозможные цели, привлекали миллионы людей.

Последователей Заратустры можно пересчитать по пальцам. Заратустра никого не заботил, пока спустя почти двадцать четыре века на него неожиданно не обратил внимание Ницше. Ницше был против Иисуса Христа и Гаутамы Будды, но за Заратустру.

Это очень важно понять. Человек, который был против Иисуса Христа, против Гаутамы Будды; почему он был за Заратустру? – потому что у Ницше такое же отношение и такой же подход к жизни. Он видел, что все эти религии, великие религии, лишь увеличивают в человеке чувство вины. Порождают все больше страданий и войн, сжигают людей заживо. Говорят всевозможный вздор, который не имеет никаких доказательств, который они не могут подкрепить вообще никакими фактами. Удерживают все человечество во тьме, в слепоте, потому что их учения основаны на вере – а вера означает слепоту.

---

[2] Он же Маккхали Госала или Маскарин Гошала – основатель или один из ранних учителей движения адживика.

[3] Он же Санджая Белаттхапутта – древнеиндийский мыслитель, чье учение часто описывают как агностическое.

[4] Он же Аджита Кесакамбала – древнеиндийский мыслитель, считающийся предшественником школы локаята.

Не бывает не слепой веры. Имеющий глаза не верит в свет, он знает его. Он не нуждается в вере. Только слепой верит в свет, потому что не знает его. Вера существует за счет неведения, и все религии – за некоторыми исключениями, как в случае Заратустры и Чжуан-цзы, которым не удалось собрать много последователей или создать великую традицию, – зиждутся на вере. Другими словами, все они зиждутся на слепоте.

Ницше противостоял им символически. Символом Востока он избрал Гаутаму Будду, а символом Запада – Иисуса Христа. Он был против них по той простой причине, что они были против жизни. Они были против людей, наслаждающихся простыми вещами: людей, живущих игриво, смеясь; людей с чувством юмора вместо серьезности. Людей, любящих песни и музыку, и людей, умеющих танцевать и любить.

Заратустра привлек Ницше потому, что тот видел, что только этот человек из всех, кто жил в прошлом, не был против жизни, не был против любви и смеха.

В этих фрагментах вы увидите чрезвычайно содержательные высказывания, которые могут стать фундаментом жизнеутверждающей религии. Я всецело за жизнь. Нет ничего, ради чего можно было бы пожертвовать жизнью. Ради жизни же можно пожертвовать всем. Все может быть средством для жизни, но жизнь – цель сама по себе.

Слушайте очень внимательно, потому что Фридрих Ницше пишет чрезвычайно лаконично. Он не писатель, он создает афоризмы. Там, где кто-то мог бы написать целую книгу, Ницше напишет только один абзац. Его текст настолько лаконичен, что, слушая невнимательно, можно что-то пропустить. Его не нужно читать как роман.

Это почти как сутры Упанишад. Каждая сутра, каждая максима содержит очень много и имеет глубокий подтекст. Мне бы хотелось рассмотреть весь возможный скрытый смысл, чтобы вы не поняли Ницше неправильно, потому что он – один из наиболее непонятых философов мира. Причина неправильного его понимания как раз в его лаконичности – он ничего не объясняет, не углубляется в подробное обсуждение всего возможного подтекста.

Он – очень символичный человек. Причина его символичности в том, что он был настолько исполнен новых озарений, что у него не хватало времени на объяснения. Он не мог писать трактаты, ему нужно было столько всего дать, стольким поделиться, а жизнь так коротка.

Поскольку его работа была такой лаконичной и кристаллизованной, люди, во-первых, не понимали его. Во-вторых, если они его понимали, то понимали неправильно. В-третьих, они считали его трудным для чтения; они хотели, чтобы им все разъяснили. Ницше писал не для детей, а для зрелых людей. Но зрелость встречается очень редко – средний психологический возраст человека составляет не больше четырнадцати лет, а при таком психологическом возрасте Ницше, безусловно, не будет понят. Его не понимают как оппоненты, так и последователи, потому что и у тех, и у других одинаковый психологический возраст.

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошел в горы.

Следует объяснить, что Гаутама Будда покинул свой дворец, когда ему было двадцать девять лет. Иисус начал проповедовать в тридцать. Заратустра в тридцать лет пошел в горы. В тридцатилетнем возрасте, или около того, есть нечто примечательное, подобно тому как в четырнадцать лет наступает половая зрелость. Традиционно продолжительность жизни приравнивалась к семидесяти годам, и те, кто внимательно наблюдал за жизнью, заметили, что каждые семь лет происходит изменение, поворот.

Первые семь лет невинны. Следующие семь лет ребенок всем интересуется, обо всем спрашивает – проявляет любопытство. Между четырнадцатью и двадцатью одним годом у него самая сильная сексуальность. Вы удивитесь, но самый пик сексуальности припадает на восемнадцать или девятнадцать лет. И человечество пыталось избегать этого периода, обеспечивая

образовательные программы, колледжи, университеты – разделяя мальчиков и девочек. Это время, когда их сексуальность и их сексуальная энергия достигают наивысшей точки.

В эти семь лет, между четырнадцатью и двадцатью одним годом, они могут очень легко испытать сексуальный оргазм. Сексуальный оргазм – это мимолетный взгляд, который может вызвать у вас побуждение к поиску новых блаженных пространств. В сексуальном оргазме исчезают две вещи: исчезает ваше эго и ваш ум – и время останавливается, всего на несколько секунд.

Но это три важные вещи. Две вещи полностью исчезают: вы больше не «я» – вы есть, но отсутствует чувство эго. Ваш ум на месте, но мыслей нет, есть только глубокий покой. Вдруг, так как эго исчезает и ум останавливается, время тоже останавливается. Чтобы чувствовать время, необходимы меняющиеся мысли ума, иначе движение времени невозможно заметить.

Просто представьте два поезда, движущихся параллельно в пустом пространстве с одинаковой скоростью. Когда бы вы ни посмотрели в окно на другой поезд – в котором есть такое же окно и столько же вагонов, – вы не почувствуете, что вы передвигаетесь. И пассажиры другого поезда тоже не почувствуют, что они передвигаются.

Вы чувствуете движение, потому что, когда ваш поезд едет, деревья стоят на месте, дома стоят на месте; они не передвигаются. Появляются и исчезают станции и платформы. Поскольку по обе стороны от вас вещи статичны, вы способны чувствовать движение поезда относительно них.

Возможно, иногда вы сталкивались с очень странной вещью: ваш поезд стоит на платформе, а рядом стоит другой поезд. Ваш поезд трогается. Вы смотрите на другой поезд, и вам кажется, что он тронулся, пока вы не посмотрите на неподвижную платформу. Движение – это относительное переживание.

Когда в уме нет никаких мыслей, вы находитесь в чистом небе. Время останавливается, потому что вы не можете судить о времени без движения – вас нет, ума нет, времени нет… только невероятное умиротворение и глубокое расслабление.

Мне кажется, что именно благодаря сексуальному оргазму люди впервые получили представление о медитации. Некоторые гении могли попробовать: «Если мы можем остановить мысли, если мы можем избавиться от эго и если ум отсутствует, то время останавливается. Тогда нет необходимости ни в каком сексуальном оргазме». Можно получить то же оргазмическое переживание, которое больше не будет сексуальным, – теперь это духовное переживание.

Должно быть, сексуальный оргазм подсказал, что такой же опыт возможен без секса. Иначе люди вряд ли могли бы прийти к медитации. Медитация не является естественным явлением. Сексуальный оргазм – это естественное явление, однако во всех обществах детям не дают его испытать. Никто ничего об этом не говорит. Это стратегия, очень опасная стратегия, преступное деяние против всего человечества, потому что дети, лишенные сексуального оргазма, не смогут почувствовать побуждение к медитации; или же их побуждение будет очень слабым, они не станут ничем ради этого рисковать.

Итак, в двадцать один год сексуальность достигает пика, если она разрешена, как она была разрешена в жизни Гаутамы Будды. Ему были доступны все красивые девушки царства; он был окружен ими, он познал глубокое переживание оргазма.

Следующие семь лет, от двадцати одного до двадцати восьми лет, человек пребывает в поиске, потому что сексуальный оргазм имеет биологическую природу. Скоро вы потеряете энергию и не сможете достигать оргазма. Кроме того, он зависит от кого-то другого, женщины, мужчины. Это разрушительно для вашей свободы; вы платите очень высокую цену. Поэтому если человек развивается естественно – если ему дают развиваться естественно – от двадцати одного до двадцати восьми лет, то он будет искать способы преодоления физиологии и биологии и сохранения способности достигать глубокого оргазмического переживания.

От двадцати восьми до тридцати пяти лет Гаутама Будда, Заратустра, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Иисус пребывали на высших планах бытия. И чтобы их не беспокоили, чтобы им не мешали люди, они уходили в горы – в уединение. Как я считаю, это не было отрицанием жизни – они просто искали тихое пространство, где их ничто бы не отвлекало и они смогли бы обрести наивысшее оргазмическое переживание. То, что Уильям Джеймс называл «океаническим оргазмом», в котором ты полностью исчезаешь в океане существования, подобно капле, падающей с лотосового листа в океан.

Поэтому тридцатилетний возраст не случаен. Все великие искатели отправлялись на поиски между двадцатью восьмью и тридцатью пятью годами. Это период поиска – поиска не телесного, а духовного.

> *Здесь наслаждался он своим духом и своим уединением и в течение десяти лет не утомлялся счастьем своим.*

Он десять лет оставался в горах. Его уединение, тишина, умиротворение углублялись, и он был исполнен блаженства. Хотя он был один, это его не утомляло.

> *Но наконец изменилось сердце его, – и в одно утро поднялся он с зарею, стал перед солнцем и так говорил к нему…*

Здесь Заратустра начинает новый путь. Махавира оставался в своем одиночестве. Будда оставался в своем уединении, и наблюдавшие увидели, что что-то произошло, что-то, что выходило за рамки их понимания. Эти люди преобразились. Они наполнились светом. Они излучали радость. Их окружало благоухание; они что-то познали. Их глаза обрели новую глубину, а лица засветились неведомой доселе благодатью.

Произошло едва заметное недопонимание. Наблюдавшие посчитали, что, поскольку эти люди ушли в горы, они отреклись от жизни. Поэтому отречение от жизни стало краеугольным камнем всех религий. Но они не отреклись от жизни.

Мне бы хотелось переписать историю с нуля, в частности об этих людях, потому что я знаю их по своим собственным озарениям. Меня не должны волновать факты; я знаю истину. Эти люди не были против жизни; они просто ушли в уединение, в безлюдные места, чтобы их ничто не отвлекало.

Но разница между Гаутамой Буддой и Заратустрой в том, что Гаутама Будда, познав себя, не заявил: «Мне больше не нужно быть отшельником, монахом. Я могу вернуться в мир и быть обычным человеком».

Возможно, возвращение в мир требует большей смелости, чем уход от него. Восхождение на гору трудное, но благодарное. Ты поднимаешься все выше и выше. И, когда ты достиг наивысшей вершины, нужна огромная смелость, чтобы спуститься обратно в покинутые тобою темные долины, чтобы просто принести людям послание: «Вам не нужно все время оставаться во тьме. Вам не нужно всегда оставаться в страдании и в преисподней».

Такое нисхождение даже может осуждаться теми, кому ты хочешь помочь. Когда ты поднимался в гору, ты был великим святым, а когда ты спускаешься вниз, люди думают, что, наверное, ты упал, упал со своего величия, со своей высоты. Несомненно, нужна величайшая смелость, чтобы, коснувшись наивысших вершин, вернуться к нормальности.

Заратустра проявил такую смелость. Его не беспокоит, что скажут люди, он не опасается порицания или того, что они подумают, что он упал с вершины, что он больше не святой. Его больше заботит необходимость поделиться своим опытом с теми, кто готов, кто восприимчив, кто открыт, – пусть даже таких мало.

> *…и в одно утро поднялся он с зарею, стал перед солнцем и так говорил к нему:*

«Великое светило! К чему свелось бы твое счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь!»

Это высказывание содержит глубокий подтекст. Заратустра говорит, что птицы счастливы, потому что солнце взошло. Цветы счастливы, потому что солнце взошло. Вся планета кажется счастливой, пробужденной, полной энергии, исполненной надежды на день грядущий – солнце взошло.

В этом высказывании он указывает на то, что солнце тоже должно быть счастливо, потому что так много цветов расцвело, так много птиц запело. Если бы не было птиц и цветов и никто бы его не ждал, то солнце было бы грустным.

Подтекст ясен: мы все взаимосвязаны; все существование взаимосвязано. Даже мельчайшая травинка связана с величайшей звездой на небе. Но эти связи невидимы.

Известно, что если однажды солнце не взойдет, то вся жизнь на планете исчезнет. Без солнечного тепла и животворящей энергии ничто не могло бы оставаться живым. Но мистики всегда указывали и на другую возможность: если с лица земли исчезнет всякая жизнь, то и солнце перестанет восходить – для кого?

Заратустра говорит: «Я полон радости, полон мира. Теперь мне нужно, чтобы кто-то смог это принять, я отягощен. Я должен поделиться этим, иначе даже блаженство станет слишком тяжелым». Даже блаженство может стать тягостным, если им не делиться.

Великое светило! К чему свелось бы твое счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь!

В течение десяти лет подымалось ты над моей пещерой: ты пресытилось бы своим светом и этой дорогою, если б не было меня, моего орла и моей змеи.

У Заратустры есть два символа: орел и змея. Змея символизирует мудрость, а орел – смелость летать в неизвестном без какого-либо страха. С ним были орел и змея. Нужно быть максимально сознательным, мудрым и разумным. И также нужно быть смелым, чтобы проникнуть в неизвестное и, наконец, в непознаваемое. Прыжок в непознаваемое – это прыжок в божественность существования.

Но мы каждое утро поджидали тебя, принимали от тебя преизбыток твой и благословляли тебя.

То, что ты нам давало, было у тебя в преизбытке, его у тебя было слишком много, оно тебя отягощало. Ты хотело с кем-то им поделиться, и мы принимали преизбыток твоей богатой энергии, переливающей через край, и благословляли тебя за это.

Взгляни! Я пресытился своей мудростью…

Как ты пресыщаешься своим светом и хочешь с кем-то им поделиться, так и я пресытился своей мудростью – ее слишком много. Я больше не могу ее сдерживать, мне нужно найти кого-то, с кем я ею поделюсь. Я должен избавиться от бремени.

Это такое превосходное наблюдение – что даже мудрость может быть бременем. Заратустра был совершенно прав.

…как пчела, собравшая слишком много меду; мне нужны руки, простертые ко мне.

Я хотел бы одарять и наделять до тех пор, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему…

Это мог сказать лишь тот, кто познал. Обычному эрудированному человеку, заимствовавшему знание, даже в голову не может прийти такая мысль.

Ницше говорит устами Заратустры: «Я иду к людям, чтобы одарять, наделять и сбрасывать тяжесть своей мудрости до тех пор, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему».

По-настоящему мудрый человек не серьезен, он игрив, потому что понимает, что все существование есть игра. По-настоящему мудрый человек может казаться немного безумным, сумасбродным, потому что у простых людей есть фиксированное представление о мудром человеке: он должен быть серьезным, он не может быть игривым, не может смеяться, не может танцевать.

Эти вещи для глупых людей. Заратустра говорит: «Я буду одарять своей мудростью до тех пор, пока мудрые среди людей не станут настолько мудрыми, что смогут принять даже те вещи, которые простому человеку кажутся глупыми».

…а бедные – богатству своему.

Если говорить о внутреннем богатстве, то бедный не меньше одарен природой, чем богатый. Богатый слишком занят внешним миром и, вполне вероятно, не может найти время или метод для того, чтобы обратиться вовнутрь. Бедный же находится в удачном положении, он ничем не поглощен во внешнем мире, он может просто закрыть глаза и погрузиться в себя. Заратустра говорит, что мудрые должны быть настолько мудрыми, что даже глупость становится всего лишь игривостью, а бедные – настолько счастливыми, как если бы они нашли величайшее сокровище…

> *Для этого я должен спуститься вниз: как делаешь ты каждый вечер, окунаясь в море и неся свет свой на другую сторону мира, ты, богатейшее светило!*
>
> *Я должен, подобно тебе, закатиться, как называют это люди, к которым хочу я спуститься.*
>
> *Так благослови же меня, ты, спокойное око, без зависти взирающее даже на чрезмерно большое счастье!*
>
> *Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы золотистая влага текла из нее и несла всюду отблеск твоей отрады!*
>
> *Взгляни, эта чаша хочет опять стать пустою, и Заратустра хочет опять стать человеком.*

Это редкое качество Заратустры. Тысячи людей хотели стать сверхчеловеками – Буддами, Джинами, Христами, аватарами, – но Заратустра единственный за всю историю, кто хочет опять стать человеком. Повидав вершины, повидав глубины, познав предельное уединение, исполнившись мудрости, он хочет спуститься вниз и просто быть человеком среди людей – а не кем-то возвышенным.

Так начался закат Заратустры.

Этот *закат* Заратустры настолько уникален и примечателен, что, если только не найдется такой же смелый мудрец, судьбу человечества не удастся изменить.

Если бы все Гаутамы Будды и Иисусы Христы, все Моисеи и Мухаммеды вернулись к человечеству как обычные люди, они дали бы человечеству благородство, они дали бы ему великую смелость, они бы стали источниками огромного вдохновения. Но они высоко; расстояние к ним так велико, что это вызывает упадок духа. Не только они, но и их ученики всячески пытались увеличить это расстояние.

Например, Иисуса родила девственница: это приводит все человечество в уныние, ведь все вы рождаетесь в грехе, и один лишь Иисус родился не в грехе. Если он – единственный сын Божий, то кто тогда вы? Вы ему даже не двоюродные братья!

Почему Бог настолько скуп, что может позволить себе иметь только одного сына? Верит ли он в контроль рождаемости? Христиане же против этого. Нужно иметь хотя бы одну дочь! Но, оскорбляя всех женщин, Бог не может иметь дочери, и жены у него тоже нет; зато у него есть сын. Его сын ходит по воде; а вы этого не умеете. Он воскрешает мертвых; вы же этого делать не можете. Его распяли, но он возвращается – воскресает; вам же такое не под силу.

Естественно, расстояние слишком большое. Вы – простой человек; он – бог. В лучшем случае вы можете ему поклоняться. Он – унижение для вас. Он – большое оскорбление всему человечеству. И все чудеса – вымысел. Никто никогда этих чудес не совершал, но ради создания расстояния между вами и Иисусом его последователи ни перед чем не остановились.

Мухаммед умирает, но не как обычный человек. По сути, он не умирает так, как умирают люди, – он просто отправляется прямиком на небо, живым. И не только он – он ведь восседает на коне, значит, конь тоже попадает прямиком в рай. Это не какой-нибудь конь – это Хазрат, конь Мухаммеда. Вы не можете и подумать о том, чтобы попасть в ту же категорию.

Махавира никогда не потел. Он сорок два года нагишом путешествовал по пыльным дорогам под жарким индийским солнцем – особенно в Бихаре – и не потел! Такое возможно лишь в том случае, если его тело вместо кожи было покрыто пластиком, – ведь тело покрыто кожей, и кожа дышит, и потение – это процесс, необходимый для выживания; иначе вы умрете.

Потение – это защита. Когда слишком жарко, ваши поры начинают выделять воду из тела, чтобы тепло было направлено на испарение пота, а не на повышение температуры; ваша температура остается неизменной. Если тело не потеет, то температура будет постоянно подниматься. А подниматься-то особо некуда – от 36 до 43 градусов Цельсия. Каких-то семь градусов – и Махавира просто бы перегорел; он не смог бы остаться в живых. Но он также никогда не купался; в этом не было необходимости. Если не потеешь, то и душ незачем принимать.

Его кусает змея – и вместо крови выступает молоко. Однажды я присутствовал на джайнистской конференции, где передо мною выступал джайнистский монах. Он воспевал все чудеса Махавиры, и когда пришла моя очередь, я сказал: «Это были не чудеса. Достаточно немного пошевелить мозгами, чтобы понять, что если бы в теле Махавиры вместо крови циркулировало молоко, то оно могло бы выступить только через стопы. Но за сорок два года циркулирующее молоко превратилось бы в творог или в масло, даже в топленое масло. Но оно оставалось молоком! Выступило свежее молоко!

Но, быть может, это было нечто вроде молока из женской груди – однако в груди есть тончайший механизм для преобразования крови в молоко. Такое возможно, если вы настаиваете на том, что у Махавиры по всему телу были молочные железы».

Но это бессмыслица. Однако все… Мать Гаутамы Будды родила его стоя, и с этим еще можно смириться, потому что это не слишком большая проблема. Возможно, мать была немного безумной или что-то в этом роде; в противном случае, когда рождается ребенок, мать должна лежать на кровати – но не стоять. Тем не менее можно предположить, что женщина была безумной. Но Гаутама Будда при рождении тоже оказывается стоящим; он падает на землю – и стоит. Такое тоже иногда случается. Обычно сначала появляется голова, но иногда ребенок выходит ножками вперед. Если бы на этом история заканчивалась, то она была бы вполне правдоподобной, но тогда она бы произвела на вас не слишком сильное впечатление.

Но Будда прошел семь футов! Новорожденный ребенок, по сути, не может стоять, а он прошел семь футов. И не просто прошел; пройдя семь футов, он поднял глаза к небу и объявил: «Я – величайший будда, величайший просветленный прошлого, настоящего и будущего».

И это вызывает сильный упадок духа: ведь вам такое не под силу. Во-первых, вы уже родились. Вы можете попробовать в следующий раз, но эта жизнь уже утеряна. В этой жизни вы не можете стать пробужденными, поэтому просто готовьтесь к следующей жизни. Не забывайте, что именно вам нужно сделать.

Но все эти вымыслы преследуют определенную цель. Цель – настолько отдалить этих людей от человечества, чтобы вы в лучшем случае могли им поклоняться, но не могли бы даже мечтать о том, чтобы с вами произошло то же самое.

То, что сделал Заратустра, должен сделать каждый просветленный. Каждый просветленный должен вернуться в мир. Он в долгу перед миром. В долгу перед человечеством. Он родился человеком, и ему нельзя простить создание вокруг себя мифов или создание другими людьми мифов вокруг него, превращающих его в нечто невероятное.

Заратустра более человечный, более любящий, поэтому можно понять, почему он вернулся к человечеству. Он накопил столько мудрости, столько меда, что ему хочется одарять и наделять им. Он хочет снова стать пустым, потому что теперь он знает, что чем больше он отдает, тем больше существование будет в него вливать. Он может бесконечно проливаться, и у него по-прежнему будет преизбыток, которым он может делиться.

Тот, кто по-настоящему любит человечество, тот, кто утверждает жизнь, не осуждает, не отрицает; он ни у кого не вызывает чувства вины. Наоборот, он каждому помогает: «Что есть у меня, то сокрыто и в тебе». Он спускается для того, чтобы приободрить тех, кто готов, кто нуждается в каком-то наставлении, кто хочет познать путь, кто желает обнаружить свое самое потаенное сокровище.

Заратустру необходимо понять лучше ради блага грядущего человечества. Он – большее благословение, чем кто-либо еще.

…Так говорил Заратустра.

Глава 2
Мудрость дает подлинную свободу

Пролог. Часть II

Заратустра спустился один с горы, и никто не повстречался ему. Но когда вошел он в лес, перед ним неожиданно предстал старец, покинувший свою священную хижину, чтобы поискать кореньев в лесу. И так говорил старец Заратустре:

«Мне не чужд этот странник: несколько лет тому назад проходил он здесь. Заратустрой назывался он; но он изменился.

Тогда нес ты свой прах на гору – неужели теперь хочешь ты нести свой огонь в долины? Неужели не боишься ты кары поджигателю?

Да, я узнаю Заратустру. Чист взор его, и на устах его нет отвращения. Не потому ли и идет он, точно танцует?

Заратустра изменился, ребенком стал Заратустра, Заратустра проснулся – чего же хочешь ты среди спящих?

Как на море, жил ты в одиночестве, и море носило тебя. Увы! ты хочешь выйти на сушу? Ты хочешь снова сам таскать свое тело?»

Заратустра отвечал: «Я люблю людей».

«Разве не потому, – сказал святой, – ушел и я в лес и пустыню? Разве не потому, что и я слишком любил людей?

Теперь люблю я Бога: людей не люблю я. Человек для меня слишком несовершенен. Любовь к человеку убила бы меня».

Заратустра отвечал: «Что говорил я о любви! Я несу людям дар».

«Не давай им ничего, – сказал святой. – Лучше сними с них что-нибудь и неси вместе с ними – это будет для них всего лучше: если только это лучше и для тебя!

И если ты хочешь им дать, дай им не больше милостыни и еще заставь их просить ее у тебя!»

«Нет, – отвечал Заратустра, – я не даю милостыни. Для этого я недостаточно беден».

Святой стал смеяться над Заратустрой и так говорил: «Тогда постарайся, чтоб они приняли твои сокровища! Они недоверчивы к отшельникам и не верят, что мы приходим, чтобы дарить.

Наши шаги по улицам звучат для них слишком одиноко. И если они ночью, в своих кроватях, услышат человека, идущего задолго до восхода солнца, они спрашивают себя: куда крадется этот вор?

Не ходи же к людям и оставайся в лесу! Иди лучше к зверям! Почему не хочешь ты быть, как я, – медведем среди медведей, птицею среди птиц?»

«А что делает святой в лесу?» – спросил Заратустра.

Святой отвечал: «Я слагаю песни и пою их; и когда я слагаю песни, я смеюсь, плачу и бормочу себе в бороду: так славлю я Бога.

Пением, плачем, смехом и бормотаньем славлю я Бога, моего Бога. Но скажи, что несешь ты нам в дар?»

Услышав эти слова, Заратустра поклонился святому и сказал: «Что мог бы я дать вам! Позвольте мне скорее уйти, чтобы чего-нибудь я не взял у вас!» – Так разошлись они в разные стороны, старец и человек, и каждый смеялся, как смеются дети.

Но когда Заратустра остался один, говорил он так в сердце своем: «Возможно ли это! Этот святой старец в своем лесу еще не слыхал о том, что Бог умер!»

Заратустра пошел в горы в поисках уединения. В толпе можно чувствовать себя одиноким, но не уединенным. Одиночество – это своего рода желание другого. Вы тоскуете по другому. Вам не достаточно себя – вы пусты. Поэтому каждый хочет быть в толпе и плетет вокруг себя множество отношений лишь для того, чтобы обмануть себя, чтобы забыть о своем одиночестве. Но одиночество снова и снова выходит на поверхность. Никакие отношения не сокроют его. Все отношения очень тонкие и хрупкие. В глубине души вы хорошо понимаете, что даже в толпе вас окружают чужие люди. Вы и сами чужды себе.

Заратустра и все мистики шли в горы в поисках уединения. Уединение – это позитивное чувство, чувство твоего собственного бытия, чувство того, что тебе достаточно себя, что тебе никто не нужен. Одиночество – это болезнь сердца. Уединение – это исцеление.

Познавшие уединение навсегда превзошли одиночество. Одни или среди людей, они всегда сосредоточены на себе. Они одни в горах, они одни в толпе, потому что таково их осознание: уединение – это наша природа. Мы пришли в мир одни и покинем его одни.

Между этими двумя уединениями – между рождением и смертью – вы тоже одни. Но вы не поняли красоту уединения и поэтому предались своего рода заблуждению – заблуждению одиночества.

Чтобы познать свое уединение, необходимо покинуть толпу. Медленно, медленно, когда вы забываете мир, ваша осознанность сосредоточивается на вас самих, и происходит вспышка света. Вы впервые познаете красоту и благословение уединения, его невероятную свободу и мудрость.

Когда Заратустра жил в горах, с ним были змея и орел. На Востоке змея всегда символизировала мудрость. Величайшая мудрость – идти по жизни, избавляясь от прошлого, не цепляясь за него, подобно тому как змея сбрасывает старую кожу и никогда не оглядывается. Она всегда движется от старого к новому.

Мудрость – это не коллекционирование прошлого; мудрость – это переживание непрестанно обновляющейся жизни. Мудрость не собирает пыль воспоминаний; она остается чистой, как зеркало, отражающее все сущее – всегда свежее, всегда новое, всегда в настоящем.

Орел – символ свободы. Он одиноко взлетает к солнцу, парит в необъятном небе, не ведая страха. Мудрость и свобода – две стороны одной медали.

Прожив в горах десять лет, Заратустра обрел экстаз уединения, чистоту уединения, независимость уединения. В этом он отличается от других пробужденных; достигнув осознания, они оставались на своих вершинах. Заратустра начинает свой *закат*, возвращение к толпе. Он должен передать человечеству послание: «Ваши страдания не обязательны, ваша зависимость не обязательна, вы сами создаете себе тюрьму – лишь ради того, чтобы чувствовать себя в безопасности. Но единственная безопасность – в познании себя, ибо тогда даже смерть становится бессильной. Она не может вас уничтожить».

Заратустра спускается с гор, чтобы сообщить людям, что мудрость и знание – не синонимы. На самом деле знание – противоположность мудрости. Мудрость по своей сути – невинность; знание – эго, а мудрость – исчезновение эго. Знание наполняет вас информацией. Мудрость делает вас совершенно пустым, однако эта пустота – это новый вид полноты. Это вместительность.

Он идет к людям, чтобы сообщить им, что мудрость дает свободу. Не существует другой свободы: политическая, экономическая, социальная свобода – это все ложь. Единственная подлинная свобода – свобода души, которая может превратиться в орла и бесстрашно отправиться в неизвестное и непознаваемое.

Он достиг этого наивысшего состояния сознания и хочет им поделиться. Он уникален тем, что по-прежнему любит человечество. Он не осуждает спящих, слепых людей. Он чувствует к ним сильное сострадание. Он спускается вниз, потому что любит жизнь. Он не против жизни.

Этот небольшой диалог со святым старцем, живущим в лесу, очень важен. В нем содержится много такого, что не очевидно, но мы попытаемся максимально его раскрыть.

> *Заратустра спустился один с горы, и никто не повстречался ему. Но когда вошел он в лес, перед ним неожиданно предстал старец, покинувший свою священную хижину, чтобы поискать кореньев в лесу. И так говорил старец Заратустре:*
>
> *«Мне не чужд этот странник: несколько лет тому назад проходил он здесь. Заратустрой назывался он; но он изменился».*

Святой старец увидел изменения. Это тот же человек, но у него другая энергия. Это тот же человек, но совершенно другая личность. Он шел в горы невежественным, а возвращается мудрейшим из людей. Он шел туда спящим, а возвращается пробужденным. Он преобразился.

Он шел в горы смертным, а теперь обрел бессмертие. Теперь он полон радости, полон мира, он все вокруг себя осыпает благословениями. Он исполнен любви и сострадания.

> *«Тогда нес ты свой прах на гору…»*

Ты был лишь трупом. И нес свой прах на гору.

> *«…неужели теперь хочешь ты нести свой огонь в долины?»*

Преображение было настолько радикальным, что вместо праха он теперь – огонь. Он был тьмой, сейчас же он сияет.

> *«Неужели не боишься ты кары поджигателю?»*

Это очень важно. Святой старец говорит: «Неужели не боишься ты, имеющий глаза, возвращаться к слепым? Ты, полный жизни, не боишься идти к мертвым? Ты, пробужденный, не боишься идти к спящим?»

Когда ты шел от них, ты был одним из них. Теперь ты совершенно другой. Не думаешь ли ты, что ты рискуешь? Они покарают тебя. Они не простят тебе. Твое блаженство слишком большое; они не смогут его вынести.

Странный факт: мы можем вынести несчастье других, каким бы глубоким оно ни было. Мы в каком-то смысле радуемся, когда другие несчастны, потому что тогда мы выше них. Можно проявлять симпатию и радоваться тому, что ты не настолько несчастен. Поэтому ни один несчастный не был распят, отравлен или побит камнями до смерти.

Но быть блаженным среди несчастных людей опасно, потому что ты возвышаешься, и они чувствуют себя оскорбленными. Ты видишь, а они – нет. Это невыносимо. Они мертвы, а ты – жив. Тебя нужно покарать. Ты отделился от толпы. Неужели ты не боишься кары?

> *«Да, я узнаю Заратустру. Чист взор его, и на устах его нет отвращения. Не потому ли и идет он, точно танцует?»*

Глаза очень символичны. Это часть вашего тела, но также окна вашей души. Когда ваша душа становится спокойной, умиротворенной, радостной, глаза ваши обретают глубину, ясность, чистоту, невинность. Они становятся такими прозрачными, что в них можно увидеть саму душу человека.

«Чист взор его, и на устах его нет отвращения».

Когда смотришь на людей, видишь в них отвращение ко всей жизни, и в этом нельзя их винить. Что у них есть? Вся их жизнь – лишь растянутая трагедия. Это смертельная болезнь. Они продолжают дышать, продолжают жить, продолжают надеяться. Но эти надежды так и остаются надеждами. Их мечты никогда не исполняются.

С приближением старости они все чаще видят крушение своих надежд. Неудивительно, что они будут исполнены отвращения ко всей этой жизни. Они не просили о рождении, они не просили о сердце, которое чувствует, которое нуждается в теплоте, которое нуждается в любви.

Они не просили о душе, которая жаждет предельных высот радости и экстаза. Они вдруг обретают себя, и все, что им было дано существованием, остается неисполненным. Они действительно сердиты.

В «*Братьях Карамазовых*», великом романе Федора Достоевского, одного из самых выдающихся писателей, есть герой, который говорит[5]: «У меня лишь одно чувство к Богу – отвращение. Я зол, и если только встречу его, свой билет на вход поспешу вернуть обратно и попрошу его помочь найти выход из этой жизни. Это подлая шутка. Он дает нам так много желаний и стремлений – и никаких возможностей их исполнить. Нет даже хоть какой-то надежды на будущее». Каждый рождается с большим энтузиазмом, а умирает в разочаровании.

Святой старец говорит: «Теперь я не вижу ни отвращения, ни агонии; вместо этого я вижу экстаз. Он идет, точно танцует». Ты шел в горы, с трудом волочась, неся на своих плечах собственный труп, а теперь: *«Идет он, точно танцует»*.

Случилось преображение. Человек познал себя. Человек испил из божественных источников.

«Заратустра изменился, ребенком стал Заратустра…»

Это труднейшая задача жизни – снова стать ребенком.

«…Заратустра проснулся: чего же хочешь ты среди спящих?»

Вопрос святого – это вопрос всех святых мира, всех будд, всех мистиков, всех пробужденных. Ты стал ребенком, ты пробудился: *«Чего же хочешь ты среди спящих?»* Ты для них совершенно чужой. Они покарают тебя, они могут убить тебя. Само твое присутствие станет угрозой их сну, угрозой их несчастью, угрозой их слепоте.

«Как на море, жил ты в одиночестве, и море носило тебя. Увы! ты хочешь выйти на сушу? Ты хочешь снова сам таскать свое тело?»

Неужели ты забыл тот день, когда ты пришел в горы? Неужели ты снова хочешь стать прежним? Почему ты спускаешься вниз, покидая свои солнечные вершины? Ты же знаешь, что внизу только тьма. Для чего ты идешь?

Заратустра отвечал: «Я люблю людей».

В этих трех словах заключена вся философия Заратустры: «Я люблю людей. Я люблю жизнь. Я не отрекся от мира. Я не пришел в горы как презирающий жизнь беглец. Я пришел в горы, чтобы найти себя, свое уединение, свою свободу, свою мудрость. Я нашел их.

Теперь мне больше не нужно оставаться на вершинах. Наоборот, я настолько полон, что нуждаюсь в людях, с которыми я мог бы поделиться. Я хочу поделиться своей любовью, своей мудростью, своей свободой. Я отягощен – я переполнен».

«Разве не потому, – сказал святой, – ушел и я в лес и пустыню? Разве не потому, что и я слишком любил людей?»

---

[5] Ошо пересказывает позицию Ивана Карамазова своими словами.

Святой говорит: «Я тоже ушел в горы, в лес, потому что слишком любил людей. Это стало рабством и зависимостью. Это приносило мне только несчастье».

Но тут есть различие. Он любил людей «*слишком*», когда он был невежественным, когда он сам еще спал. Заратустра же любит людей, когда он полностью пробужден, когда он просветлен. Любовь непробужденного – не больше чем вожделение. Только пробужденный знает красоту, духовность и божественность любви. Для него это больше не зависимость.

Любовь пробужденного дает свободу.

Любовь непробужденного – это любовь нищего: он хочет, чтобы его любили, чтобы ему давали все больше и больше любви. Любовь пробужденного – полная противоположность. Это любовь императора. Он хочет давать тебе – у него есть много, в преизбытке. Он дает, он делится без желания вознаграждения или получения чего-либо взамен.

Святой говорит:

«Теперь люблю я Бога: людей не люблю я».

В этом высказывании заключено все отношение всех так называемых религий. Они установили различие: если ты любишь людей, то не можешь любить Бога. Бог Старого Завета говорит: «Я очень ревнив. Если вы любите меня, то не можете любить никого другого».

Таково отношение почти всех религий. Если ты любишь этот мир – значит, ты отказываешься от мира иного; если ты любишь людей – значит, ты забыл Бога. У тебя есть выбор. Если ты любишь Бога, то ты должен отказаться от любви к людям. По сути, ты должен ненавидеть людей, ненавидеть жизнь, ненавидеть все радости жизни. Такая идея религий очень монополистическая. Бог хочет всей любви твоего сердца. Он не терпит никаких соперников.

«Теперь люблю я Бога: людей не люблю я. Человек для меня слишком несовершенен. Любовь к человеку убила бы меня».

В словах святого старца заключено все отношение религий, отрицающих жизнь, радость, наслаждение. Почему ты не можешь любить людей? – потому что люди слишком несовершенны. Бог совершенен. *«Любовь к человеку убила бы меня».*

В действительности же любовь в ее чистоте, в ее духовном расцвете не делает различий. Она любит не потому, что ты достоин; она любит не потому, что ты совершенен; она любит не потому, что ты Бог, – истинная любовь любит ради самой любви. Объект любви не имеет значения. Ты настолько исполнен любви, что делишься ею с несовершенными. И на самом деле они больше в ней нуждаются. Недостойные больше в ней нуждаются. Незаслуживающие больше в ней нуждаются.

Совершенный Бог не нуждается в вашей любви, совершенный Бог – лишь гипотеза; он есть только в вашем уме. Вы никогда его не встречали; иначе человек, постоянно ищущий несовершенство, найдет несовершенство и в Боге.

Задумывались ли вы об этом? Если бы перед вами вдруг появился Бог, смогли бы вы обнаружить в нем несовершенство? – да, в нем вы тоже найдете несовершенство. Возможно, он не так красив, как вы себе представляли. Быть может, он похож на китайца, или же он негр, или вообще – негритянка! Возможно, он слишком старый, слишком дряхлый – в нем не чувствуется свежести, только зловонная старость, ведь он был здесь много веков.

Есть очень много гипотетических представлений о Боге. Некоторые считают, что у него четыре руки. Как вы думаете, четыре руки – это нормально? А некоторые полагают, что у него тысяча рук. Человек с тысячей рук будет прекрасно смотреться в музее, но чтобы его любить… А если он вас обнимет своей тысячей рук! Если вам удастся выбраться из его объятий, вы больше никогда не будете думать о Боге.

Существуют представления о трехликом Боге. Было бы любопытно на него взглянуть, но человек с тремя лицами не будет выглядеть красивым. И кто знает, что это за лица?

Совершенство Бога существует только в вашем уме, потому что Бог – проекция ума. И вы легко можете любить Бога, потому что Бога нет – нет и проблемы.

Но чтобы любить женщину или мужчину… Тут существуют проблемы. Вы расходитесь во вкусах, в предпочтениях. Вам хочется пойти в кино, но ваша жена настаивает на том, чтобы не идти; у нее болит голова.

Однажды Генри Форда спросили: «Как вам удается становиться все богаче и богаче? Какова ваша мотивация?» Он ответил: «Честно говоря, мне хотелось узнать, смогу ли я зарабатывать больше, чем моя жена может потратить, и должен признать, что мне это не удалось».

С другим человеком существуют проблемы. Ты хочешь спать, а твой муж храпит. Что можно сделать с этим мужем, который лежит рядом и храпит? И он также беспомощен. Были испробованы тысячи методов для предотвращения храпа. Последний – это электрический мешок, подвешиваемый надо ртом мужа. Как только он захрапит, мешок падает на его лицо и он просыпается – хотите ли вы, чтобы он спал всю ночь? – когда бы он ни захрапел, мешок тут же опускается на его рот и нос и закрывает их.

Вы не переносите запах тела своей жены…

С Богом все прекрасно, потому что вам не нужно ни спать с ним – и он не будет храпеть, – ни жить с ним. Если его тело воняет – пусть себе воняет. Это лишь гипотеза в вашем уме.

Но контактировать с реальными людьми – это совершенно другой опыт. Это испытание стойкости вашей любви. Любить Бога очень легко; любить человека – очень трудно. Любить Бога – ничего не стоит; любовь к человеку требует невероятного понимания.

Поэтому те, кто бежал в лес и в горы и проецируют идею Бога и любят этого Бога, избрали очень легкий образ жизни. Их любовь не будет расти, потому что она не встречается с испытаниями.

Святой старец практически выражает весь подход религий: «Любовь к человеку убила бы меня. Человек для меня слишком несовершенен». Это эгоистично. Он считает, что он совершенен, а люди – слишком несовершенны. Разумеется, совершенный человек может любить только совершенного Бога – а Бог есть всего лишь ваша галлюцинация. Если вы будете упорствовать, то сможете увидеть Бога таким, каким вы его представляете: это лишь сон наяву – галлюцинация. Перед вами никого нет, но ваша собственная идея вас загипнотизировала.

Именно поэтому христиане видят Иисуса, буддисты – Будду, а индуисты – Кришну. Христиане даже по ошибке никогда не видят Будду или Кришну. Кришна даже по ошибке не является христианам, Христос не является индуистам – потому что они не существуют. Они – часть вашего ума; вы их создаете. В Библии говорится, что Бог создал человека по своему подобию. Я же говорю вам: человек создает Бога по собственному подобию.

Заратустра отвечал: «Что говорил я о любви! Я несу людям дар».

Любовь – всегда дар; в ином случае это абстрактная поэзия. *«Что говорил я о любви! Я несу людям дар»*. Святой старец говорит очень важные вещи: «Не давай им ничего, потому что они не прощают тех, кто им что-то дал».

Сократ дал людям очень ценный метод поиска истины: сократовский диалог. Но что люди с ним сделали? – отравили его.

Святой старец в чем-то прав, когда говорит:

> *«Не давай им ничего… Лучше сними с них что-нибудь и неси вместе с ними – это будет для них всего лучше: если только это лучше и для тебя!»*

Это часть человеческой психологии: ты хочешь быть дающим; ты не хочешь быть принимающим. Но есть вещи, которые ты должен принимать. Ты не можешь их давать, потому что их у тебя нет.

Что можете вы дать Гаутаме Будде, Иисусу Христу или Заратустре? Вы нищие, однако психология такова, что вы должны им что-то дать и тогда вы будете счастливы. Они могут дать

вам невероятные сокровища, но вы никогда их не простите, потому что они – дающие, а вы – принимающие. Вы нищие. Как можно простить того, кто сделал вас нищим?

У меня есть друг, который родился бедным, но его усыновила одна из самых богатых семей в Индии. Он очень щедрый – он сделал всех своих родственников богатыми, довольными. Он дает друзьям, родственникам, даже незнакомцам. Но однажды, когда мы с ним ехали в поезде, он признался: «Я всегда хотел у тебя кое-что спросить, но мне не хватало смелости, чтобы раскрыться. Я давал всем своим родственникам, которые были бедными, и теперь они богатые. Я давал своим друзьям. Я давал даже незнакомцам, когда они просили. Я никогда никому не отказывал – у меня есть много, и я могу и дальше давать. Но они все злы на меня; они наговаривают на меня».

Я сказал: «Очень просто: ты когда-нибудь позволял им дать что-нибудь тебе?»

Он ответил: «Мне ничего не нужно».

Я сказал: «Это все объясняет. Но малые вещи… Например, ты можешь позвонить другу, которому ты дал деньги, фабрику, сделал его богатым, и сказать: „Я проходил мимо твоего дома и увидел у тебя в саду красивые розы. Ты не мог бы принести мне несколько роз?“ И отношение друга к тебе изменится.

Если ты болен, ты можешь позвонить кому-нибудь и сказать: „Я лежу в постели с ужасной головной болью и высокой температурой, и мне очень сильно захотелось, чтобы ты был рядом со мной. Просто приди сюда, возьми меня за руку и посиди рядом“. Этого будет достаточно.

У тебя много машин, но ты мог бы сказать кому-нибудь из своих родственников: „Мне нужна твоя машина на один день“. Тебе не обязательно ею пользоваться. Просто подержи ее в гараже и вечером верни. Но твой родственник или друг будет думать, что он тоже может что-то тебе дать. В нем тоже нуждаются».

Он ответил: «Я попробую, хоть и сильно сомневаюсь. Я сделал их теми, кто они есть. Почему я должен что-либо просить? У меня есть розы в моем саду. У меня есть собственные машины, а их машины им дал я; их дома им дал я».

Я сказал: «Все зависит от тебя. Твое эго причиняет им боль – ты дающий, а они всегда принимающие. Если ты хочешь изменить их отношение к тебе, то ты должен как-то стать принимающим. Пусть они хоть немного насладятся эгоизмом дающего».

Он попробовал и при следующей нашей встрече сказал: «Это работает, это творит чудеса! Никогда такого не видел! Эти люди так рады мне. Они говорят о моей щедрости. Теперь, когда я у них что-то беру, я стал щедрым. Раньше они всегда говорили: „Он просто эгоист; он дает нам не потому, что мы нуждаемся, а для того, чтобы нас унизить!“».

Святой старец прав:

> *«Не давай им ничего… Лучше сними с них что-нибудь и неси вместе с ними – это будет для них всего лучше: если только это лучше и для тебя!*
>
> *И если ты хочешь им дать, дай им не больше милостыни и еще заставь их просить ее у тебя!»*

Его совет очень важен и основан на глубоких психологических истинах. Дай им лишь милостыню. Не давай им слишком много. Дай им ровно столько, чтобы они стали хотеть большего. Тогда они всегда будут вилять хвостом рядом с тобой. Давай им только тогда, когда они просят, и они будут рады тебе, потому что ты не умалил их до нищих. Они сами попросили; ты в этом не виноват, они не могут на тебя злиться.

Но такой человек, как Заратустра, не может этого сделать.

> *«Нет, – отвечал Заратустра, – я не даю милостыни. Для этого я недостаточно беден».*

Великая фраза: *«Для этого я недостаточно беден!»*. Умалить кого-то до попрошайничества и дать ему так мало, что он станет желать большего, – значит показать свою бедность. *Для этого я недостаточно беден!*

У меня есть преизбыток: преизбыток любви, преизбыток мира, преизбыток правды, преизбыток мудрости, преизбыток свободы; и эти вещи невозможно давать частями. Их можно дать только целиком. Нельзя разрезать правду на куски. Нельзя разрезать любовь на части. Ты либо даешь, либо не даешь. Но если даешь – давай щедро, полностью. Пусть даже они распнут тебя; пусть даже они будут злиться и негодовать из-за тебя.

> *Святой стал смеяться над Заратустрой и так говорил: «Тогда постарайся, чтоб они приняли твои сокровища!»*

Они ведь всегда отказывались от них. В глубине души они хотят сокровищ, но когда кто-то приходит, чтобы им их дать, они от них отказываются. В отказе есть некоторое удовольствие: почему вы отказали Будде, Махавире или Иисусу? Отказом вы показали им: «Возможно, у вас есть сокровище, но мы не настолько бедны, чтобы его принять. Возможно, имея его, вы богаты. Но, отказываясь от него, мы тоже богаты, богаче вас».

Совет старца основан на великой мудрости.

> *«Тогда постарайся, чтоб они приняли твои сокровища! Они недоверчивы к отшельникам и не верят, что мы приходим, чтобы дарить.*
>
> *Наши шаги по улицам звучат для них слишком одиноко. И если они ночью, в своих кроватях, услышат человека, идущего задолго до восхода солнца, они спрашивают себя: куда крадется этот вор?*
>
> *Не ходи же к людям и оставайся в лесу! Иди лучше к зверям!»*

Мне понравился этот совет святого старца, потому что животные невинны: они не отторгнут тебя, не будут злиться на тебя и не распнут тебя.

Мне бы лишь хотелось добавить: иди к зверям, иди к деревьям – они более чувствительны. Человек стал почти бесчувственным, и чем выше цена, тем более он бесчувствен. Он понимает только язык денег, власти, престижа. Он забыл язык любви, язык радости, язык танца.

> *«Почему не хочешь ты быть, как я, – медведем среди медведей, птицею среди птиц?»*
>
> *«А что делает святой в лесу?» – спросил Заратустра.*
>
> *Святой отвечал: «Я слагаю песни и пою их; и когда я слагаю песни, я смеюсь, плачу и бормочу себе в бороду: так славлю я Бога.*
>
> *Пением, плачем, смехом и бормотаньем славлю я Бога, моего Бога. Но скажи, что несешь ты нам в дар?»*
>
> *Услышав эти слова, Заратустра поклонился святому и сказал: «Что мог бы я дать вам! Позвольте мне скорее уйти, чтобы чего-нибудь я не взял у вас!» – Так разошлись они в разные стороны, старец и человек, и каждый смеялся, как смеются дети.*

Заратустра говорит: *«Что мог бы я дать вам!»* Вы поете, вы слагаете песни, вы радуетесь. В вашем уединении вы совершенно счастливы. Что мог бы я дать вам? Позвольте мне уйти, чтобы я чего-нибудь не взял у вас, я и так уже переполнен песнями и блаженством. Мы оба переполнены. Вы решили жить медведем среди медведей, птицею среди птиц, деревом среди деревьев. Я же решил вернуться к людям и жить человеком. Мне нечего вам дать. У вас все уже есть. Старец и Заратустра поняли друг друга и разошлись в разные стороны, смеясь, как дети.

Но когда Заратустра остался один, говорил он так в сердце своем: «Возможно ли это! Этот святой старец в своем лесу еще не слыхал о том, что Бог умер!»

Это должен понять каждый, кто находится в поиске истины, в поиске религиозности, в поиске духовного роста: Бог – лишь гипотеза. Утверждение о том, что Бог умер – это лишь констатация того, что он никогда не жил. Это лишь удовлетворение человеческого любопытства: идею о Боге придумали хитрые умы. Это не откровение, это воображение, обусловленное многовековым воспитанием.

Но в сердце своем он говорил: «Возможно ли это, что такой хороший старец, который слагает песни и поет, который живет с птицами, деревьями и зверями, не слыхал еще в своем лесу о том, что Бог умер? Что он все еще говорит о любящем Боге?»

Я полностью согласен с Заратустрой и с Фридрихом Ницше. Я лишь по-другому это выражаю. Я хочу сказать, что Бог никогда не жил; никакого Бога никогда не было. Бог – это изобретение страха, алчности или разочарования в жизни. Бог – изобретение тех, кто не смог обучиться искусству жизни.

Они не умели танцевать и стали порицать танец. По сути, они были калеками, потому что не могли жить. Жизнь требует бдительности, интеллекта, терпения, терпимости. Так как они не могли воспроизвести эти качества в себе, они создали идею о том, что жизнь – это нечто неправильное: нечто, от чего нужно отказаться. Но невозможно от чего-то отказаться, если нет ничего большего, что можно было бы обрести после этого отказа. Таким образом, Бог – это величайшая проекция алчности: откажись от мира – и обретешь Бога. Откажись от мира – и обретешь рай.

Это изобретения эскапистов, калек, умственно отсталых; тех, кто не смог обучиться искусству любви, искусству жизни, кто не умеет петь, не умеет танцевать. Естественно, не умеющий танцевать будет порицать танец. Не умеющий петь будет порицать пение. Это защитное средство для сокрытия своей умственной отсталости, своего невежества.

Бог – творение глупцов, но не мудрецов. Это творение рабов, но не тех, кто любит свободу.

Заратустра глубоко влюблен в жизнь и во все, что жизнь предлагает. Он – единственный мистик, безмерно утверждающий жизнь. Не нужно ни от чего отказываться, жизнь – это дар существования. Научитесь наслаждаться ею! Получайте от нее удовольствие. Танцуйте с деревьями и со звездами. Любите без ревности. Живите без соревнования. Принимайте каждого без суждения. И тогда не будет потребности ни в каком Боге. Не будет потребности ни в каком рае. Мы можем превратить жизнь на этой земле в божественное существование. Наша жизнь может стать проявлением божественности.

Я всецело за божественность, потому что божественность – это качество, которому можно обучиться, которое можно развить. Бог – лишь мертвая идея. Чем скорее вы от нее избавитесь, тем лучше, потому что она лишь отнимает у вас время.

Миллионы обитателей Земли молятся, не зная, что их молитвы никто не слышит. Миллионы поклоняются каменным изваяниям. Если они не могут любить живых людей, как могут они любить каменные изваяния? Но каменные изваяния удобны. Они не создают проблем. Можно делать все, что захочешь: обливать их водой или молоком, подносить им гнилые кокосы, и они даже не возразят. Каменному изваянию можно говорить что угодно, на любом языке, правильное или неправильное, это не имеет значения.

Для любви нужен живой объект. Но этому искусству нужно обучиться. Глупо, что ни один из университетов мира не учит людей искусству жизни, искусству любви, искусству медитации. И я считаю, что все другое стоит намного ниже любви, жизни, медитации, смеха. Вы можете быть великим хирургом, великим инженером, великим ученым – но вам все равно

нужно чувство юмора, вам нужно искусство любви, вам нужно искусство жизни, вам в жизни нужны все эти великие ценности.

Но вы удивитесь. Я учу только этим вещам: любви, жизни, смеху и дополнительно ко всему этому – медитации, – но индийское правительство отказывается признавать эту школу образовательным учреждением. Они бы признали ее образовательным учреждением, если бы я преподавал географию, историю, химию, физику – будничные предметы.

Я не говорю, что их не нужно преподавать, но образование не должно ими ограничиваться. Они должны составлять низшее образование, и при каждом университете должен быть факультет высшего образования, где бы учили настоящим жизненным ценностям, потому что география не сделает из вас лучшего человека, история не сделает из вас лучшего любовника, а химия не научит вас медитировать.

Ничто из того, чему учат в университетах, не даст вам чувства юмора. Вы не можете смеяться, не можете танцевать, не можете петь. Ваша жизнь становится подобной пустыне.

Заратустра хочет, чтобы ваша жизнь стала садом, где поют птицы, где цветут цветы, где деревья танцуют, куда солнце приходит с радостью. Заратустра всецело за жизнь, и именно поэтому у него нет большого числа последователей. У отравителей, деструктивных людей, есть миллионы последователей. А уникальному учителю и мистику, все послание которого сводится к любви и жизни, досталась самая малочисленная в мире религия.

Религия Заратустры должна быть единственной религией. Все другие религии должны быть погребены на кладбищах, потому что нет Бога кроме жизни и нет молитвы кроме любви.

…Так говорил Заратустра.

Глава 3
Верблюд, лев и ребенок

О трех превращениях

Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев.

Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, который способен к глубокому почитанию: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его.

Что есть тяжесть? – вопрошает выносливый дух, становится, как верблюд, на колени и хочет, чтобы хорошенько навьючили его.

Что есть трудное? – так вопрошает выносливый дух; скажите, герои, чтобы взял я это на себя и радовался силе своей.

Не значит ли это: унизиться, чтобы заставить страдать свое высокомерие?

[…] *Или это значит: бежать от нашего дела, когда оно празднует свою победу? Подняться на высокие горы, чтобы искусить искусителя?…*

[…] *Или это значит: тех любить, кто нас презирает, и простирать руку привидению, когда оно хочет пугать нас?*

Все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню.

Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух, свободу хочет он себе добыть и господином быть в своей собственной пустыне.

Своего последнего господина ищет он здесь: врагом хочет он стать ему, и своему последнему богу, ради победы он хочет бороться с великим драконом.

Кто же этот великий дракон, которого дух не хочет более называть господином и богом? «Ты должен» называется великий дракон. Но дух льва говорит «я хочу».

Чешуйчатый зверь «ты должен», искрясь золотыми искрами, лежит на его дороге, и на каждой чешуе его блестит, как золото, «ты должен!».

Тысячелетние ценности блестят на этих чешуях, и так говорит сильнейший из всех драконов: «Ценности всех вещей блестят на мне».

«Все ценности уже созданы, и каждая созданная ценность – это я. Поистине, „я хочу“ не должно более существовать!» Так говорит дракон.

Братья мои, к чему нужен лев в человеческом духе? Чему не удовлетворяет вьючный зверь, воздержанный и почтительный?

Создавать новые ценности – этого не может еще лев: но создать себе свободу для нового созидания – это может сила льва.

Завоевать себе свободу и священное «нет» даже перед долгом – для этого, братья мои, нужно стать львом.

Завоевать себе право для новых ценностей – это самое страшное завоевание для духа выносливого и почтительного.

> […] *Как свою святыню, любил он когда-то «ты должен»: теперь ему надо видеть даже в этой святыне произвол и мечту, чтобы добыть себе свободу от любви своей: нужно стать львом для этой победы.*
>
> *Но скажите, братья мои, что может сделать ребенок, чего не мог бы даже лев? Почему хищный лев должен стать еще ребенком?*
>
> *Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения.*
>
> *Да, для игры созидания, братья мои, нужно святое слово утверждения:* **своей** *воли хочет теперь дух,* **свой** *мир находит отрешившийся от него.*
>
> *Три превращения духа назвал я вам: как дух стал верблюдом, львом верблюд и, наконец, лев ребенком.*
>
> *…Так говорил Заратустра.*

Заратустра разделил эволюцию сознания на три символа: верблюда, льва и ребенка.

Верблюд – вьючное животное, готовое служить, никогда не проявляющее непокорность. Он никогда не говорит «нет». Он верующий, последователь, верный слуга. Это низшая стадия человеческого сознания.

Лев – это революция. Начало революции – это священное «нет».

В сознании верблюда всегда присутствует потребность в ком-то, кто бы его вел, кто бы говорил ему: «Ты должен делать это». Ему нужны Десять заповедей. Ему нужны все религии, все священники и все священные писания, потому что он не доверяет себе. У него нет смелости, нет души, нет стремления к свободе. Он покорный.

Лев – это стремление к свободе, желание разрушить тюрьму. Лев не нуждается в предводителях; он самодостаточен. Он не позволит никому говорить ему: «Ты должен», – это оскорбляет его гордость. Он может лишь говорить: «Я хочу». Лев – это ответственность, это грандиозная попытка вырваться из оков.

Но даже лев – не наивысшая вершина человеческого роста. Наивысшая вершина – это когда лев тоже проходит через превращение и становится ребенком. Ребенок – это невинность. Это ни покорность, ни непокорность; это ни вера, ни неверие – это чистое доверие, это священное «да» существованию, жизни и всему, что в ней заключено.

Ребенок – это вершина чистоты, искренности, подлинности, восприимчивости и открытости перед существованием. Это очень красивые символы.

Мы по очереди рассмотрим смысл этих символов, описываемых Заратустрой.

> *Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев.*
>
> *Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, который способен к глубокому почитанию: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его.*

Заратустра не благосклонен к слабым, к так называемым смиренным. Он не согласен с Иисусом: «Блаженны кроткие», «Блаженны нищие», «Блаженны смиренные, ибо унаследуют они Царство Божье».

Заратустра полностью на стороне сильного духа. Он против эго, но не против гордости. Гордость – это человеческое достоинство. Эго – это ложная сущность, и нельзя считать их синонимами.

Эго – это нечто, лишающее вас достоинства, лишающее вас гордости, потому что эго нужно зависеть от других, от мнения других, от того, что говорят люди. Эго очень хрупкое. Мнение людей может измениться, и эго растворится в воздухе.

Я вспомнил о великом мыслителе Вольтере…

В дни Вольтера во Франции существовал обычай – давнее поверье, – согласно которому, если тебе удастся получить что-нибудь от гения, пусть даже лоскут ткани, это поможет тебе раскрыть собственные таланты, если не самому стать гением.

Вольтера настолько почитали и уважали как великого мыслителя и философа, что он не мог даже совершить утреннюю прогулку без полицейской охраны. Когда он отправлялся на железнодорожный вокзал, ему нужна была полицейская охрана. Полицейская охрана нужна была потому, что вокруг него толпились люди, желавшие оторвать кусочек одежды. Бывали случаи, когда он возвращался домой практически голым, с царапинами на теле, с сочащейся кровью, и он был очень встревожен славой и известностью.

Он писал в дневнике: «Я думал, что известность – это нечто замечательное, теперь же я знаю, что это проклятие. Мне хочется снова стать обычным, безымянным; чтобы меня никто не узнавал, чтобы я мог ходить, не привлекая к себе внимания. Я устал быть известным, быть знаменитым. Я стал пленником в собственном доме. Я не могу даже выйти погулять, когда небо такое разноцветное и закат такой красивый. Я боюсь толпы».

Той толпы, которая сделала его великим человеком.

Через десять лет он с большой подавленностью и грустью отмечает в дневнике: «Я не думал, что мои молитвы будут услышаны». Мода проходит, мнение людей меняется. Сегодня кто-то известен, а завтра о нем никто не помнит. Сегодня о ком-то никто не знает, а завтра он вдруг поднимается на вершину славы.

Это произошло и в случае Вольтера. Постепенно на горизонте стали появляться новые мыслители, новые философы. В частности, место Вольтера занял Руссо, и люди забыли о Вольтере. Человеческая память не очень надежна.

Мнение меняется так же, как и мода. Однажды он был модным, а сегодня модным стал кто-то другой. Руссо противостоял каждой идее Вольтера; его слава полностью уничтожила Вольтера. Мольба Вольтера была удовлетворена; он стал безымянным. Ему больше не нужна была полицейская охрана. Теперь никто с ним даже не здоровался. Люди все забыли. Только тогда он понял, что быть пленником было лучше. «Теперь я свободен передвигаться как угодно, но это больно. Рана становится все больше и больше – я жив, но кажется, будто люди подумали, что Вольтер умер».

Когда он умер, в последний путь его провожали только три с половиной человека. Вы удивитесь, почему три с половиной? – потому что трое были людьми, а его пса можно посчитать только как половину. Пес возглавлял процессию.

Эго – побочный продукт общественного мнения. Общественность вам его дает; она же может его у вас забрать. Гордость – совсем другой феномен. У льва есть гордость. Посмотрите только, у оленя в лесу есть гордость, достоинство, благородство. Танцующий павлин или улетающий в небо орел – у них нет эго, они не зависимы от вашего мнения; они благородны сами по себе. Их достоинство порождено их собственным бытием. Это необходимо понять, потому что все религии учили людей не быть гордыми – быть смиренными. Они создали неправильное представление по всему миру, будто быть гордым и быть эгоистом – это синонимы.

Заратустра ясно дает понять, что он на стороне сильного человека, смелого человека, искателя приключений, который бесстрашно отправляется в неизвестное по непроторенному пути. Он на стороне бесстрашия. И – о чудо! – гордый человек, и только гордый человек, может стать ребенком.

Так называемое христианское смирение – это лишь эго, поставленное на голову. Эго перевернуто, но оно здесь, и вы можете увидеть, что ваши святые более эгоистичны, чем простые люди. Они эгоистичны из-за их набожности, их самоограничения, их духовности, их святости и даже их смиренности. Нет никого смиреннее их. Эго способно незаметно проникать через черный вход. Вы можете вышвырнуть его через переднюю дверь – но оно знает, что есть еще черный вход.

Мне рассказывали, как один человек как-то ночью напился в баре и стал создавать неприятности: разбрасывать предметы, бить людей, кричать, оскорблять их и требовать еще больше выпивки.

Наконец, владелец бара сказал ему: «Хватит. Сегодня ты уже достаточно выпил». И он приказал своим слугам вышвырнуть его через переднюю дверь.

Несмотря на сильное опьянение, тот все же вспомнил про черный вход. Пробираясь ощупью в темноте, он зашел через черный вход и заказал выпивку.

Владелец заявил: «Опять? Я же сказал тебе, что сегодня ты больше ничего не получишь».

Мужчина ответил: «Странно. Разве тебе принадлежат все бары в городе?»

Эго не только знает про черный вход, оно может зайти даже через окна. Оно даже может зайти, отодвинув небольшую черепицу на крыше. Если говорить об эго, то вы очень уязвимы.

Заратустра не учит о смирении, потому что все учения о смирении потерпели неудачу. Он учит о человеческом достоинстве. Он учит о человеческой гордости и о сильном человеке, а не о слабом, нищем и покорном. Те учения удерживали человека на стадии верблюда. Заратустра же хочет, чтобы вы прошли через превращение. Верблюд должен превратиться во льва, и он выбрал красивые символы, очень содержательные и примечательные.

Верблюд – это, наверное, самое уродливое из всех животных. Его невозможно сделать более красивым. Что вы можете поделать? Это такое безобразие. Кажется, будто он вышел прямиком из преисподней.

Выбрать верблюда как символ низшего сознания – совершенно правильно. Низшее сознание человека искалечено; оно желает быть порабощенным. Оно боится свободы, потому что боится ответственности. Верблюд готов быть навьюченным как можно большей тяжестью. Он радуется тяжести, как низшее сознание – тяжести заимствованного знания. Человек с чувством собственного достоинства не позволит навьючить себя заимствованным знанием. Им навьючивает нравственность, переданная мертвыми живым. Это господство мертвых над живыми. Человек с чувством собственного достоинства не позволит мертвым им управлять.

Низшее сознание остается невежественным, бессознательным, неосознанным, крепко спящим, потому что оно постоянно принимает яд верований, веры, запрета сомнений, запрета говорить «нет». А человек, неспособный сказать «нет», утратил чувство собственного достоинства. Человек, неспособный сказать «нет», – его «да» ничего не значит. Вы поняли, что здесь подразумевается? «Да» имеет смысл только тогда, когда вы способны сказать «нет». Если вы неспособны сказать «нет», ваше «да» бессильно, оно ничего не значит.

Поэтому верблюд должен превратиться в прекрасного льва, готового умереть, но не стать рабом. Льва невозможно сделать вьючным животным. У льва есть чувство достоинства, на которое не может претендовать никакой другой зверь; у него нет ни сокровищ, ни царств. Его достоинство в его стиле бытия – он бесстрашен, он не боится неизвестного, он готов сказать «нет» даже перед лицом смерти.

Эта готовность сказать «нет», это бунтарство очищает его от всей грязи, оставленной верблюдом, – от всех следов, оставшихся после верблюда. И только после льва, после великого «нет», возможно священное «да» ребенка.

> *Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, который способен к глубокому почитанию: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его.*
>
> *Что есть тяжесть? – вопрошает выносливый дух, становится, как верблюд, на колени и хочет, чтобы хорошенько навьючили его.*

У верблюда, у низшего сознания, существует внутреннее желание ставать на колени и быть навьюченным как можно большей тяжестью.

Что есть самое трудное? – так вопрошает выносливый дух; скажите, герои, чтобы взял я это на себя и радовался силе своей.

Но для сильного человека, для льва внутри вас, самое трудное обретает другой смысл и другое измерение:…*чтобы взял я это на себя и радовался силе своей*. Радость верблюда лишь в том, чтобы подчиняться, служить, быть рабом.

Не значит ли это: унизиться, чтобы заставить страдать свое высокомерие?

Или это значит: бежать от нашего дела, когда оно празднует свою победу? Подняться на высокие горы, чтобы искусить искусителя?

Или это значит: тех любить, кто нас презирает, и простирать руку привидению, когда оно хочет пугать нас?

Все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню.

Низшему сознанию известна лишь жизнь пустыни: где ничто не растет, где ничто не зеленеет, где не цветут цветы, где все мертво и вокруг только просторное кладбище.

Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух…

Даже в жизни тех, кто блуждает в темноте и бессознательности, существуют мгновения, когда, подобно молнии, какой-нибудь случай пробуждает их и верблюд перестает быть верблюдом: происходит превращение, преображение.

Гаутама Будда оставил свое царство в двадцать девять лет, и причина этого – внезапная молния, превращение верблюда во льва.

Когда он родился, были созваны все великие астрологи царства, потому что он был единственным сыном великого императора, и на момент его рождения император уже был стар. Он всю жизнь молился, всю жизнь хотел иметь ребенка; иначе кто сменит его? Всю жизнь он сражался, завоевывал и строил великую империю. Для кого? Он очень обрадовался рождению Гаутамы Будды и захотел узнать подробности будущего ребенка. Во дворце собрались все великие астрологи. Они много часов дискутировали, и царь снова и снова спрашивал: «Каково ваше заключение? Почему так долго?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.